

.....
Ретро-романтика
.....

Ольга Шумяцкая
Марина Друбецкая

Он летает под аплодисменты

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ш 96

Дизайн серии *Сергея Груздева*

Шумяцкая О. Ю.

Ш 96 Он летает под аплодисменты : роман / Ольга Шумяцкая, Марина Друбецкая. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Богемный роман. Проза О. Шумяцкой и М. Друбецкой).

ISBN 978-5-699-63796-6

Беспечный актер и фокусник Басби Визг, приехавший в Ялту конца 1920-х годов искать удачи, разрывается между кинодивой Лидией Збарски и юной эмансипе Женечкой Ландо. Одной-единственной ему для счастья не хватает. Как часто подобная ситуация возникает в жизни мужчины! А может быть, и не нужно выбирать? Ведь мир не делится на черное и белое, он полон полутонов и компромиссов. И если цена любви – компромисс, не стоит ли с этим согласиться?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-63796-6

© Шумяцкая О., наследники, 2013
© Друбецкая М., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Басби сходит на берег

Засунув руку в карман брюк, прищурившись и слегка прихрамывая, Басби спускался по трапу четырехпалубного круизного парохода «Король Георг». Сверкающий цилиндр был лихо сдвинут на затылок. Фрак ловко облегал широкие плечи и мускулистый торс. Манишка сияла. Стрелки брюк сбегали вниз идеально ровно. Новые лаковые штиблеты пускали солнечных зайчиков. В одной руке Басби держал маленький плоский кожаный чемоданчик, в котором лежала смена шелкового белья, сложенный в несколько раз лист прозрачной бумаги, испещренный чертежами и надписями, и паспорт. Другая рука сжимала в кармане толстую пачку денег. Паспорт у Басби был свой. Все остальное, включая манишку и белье, — чужое.

В мареве нового дня проступали очертания Ялты: башенки домов, скульптуры на крыше морского вокзала и, конечно, знаменитая арка, увенчанная гигантской кинокамерой из папье-маше, — парадный въезд на киностудию «Новый Парадиз». Позади, на палубе, раздались крики и топот ног. Басби оглянулся. Ребятя из семейства князя Гагарина — двое резвых мальчуганов лет шести-семи и надменная пятилетняя особа с толстой косой — вышмыгнули

Ольга Шумяцкая, Марина Друбецкая

из-под лестницы, что вела в капитанскую рубку, и затеяли на палубе игру в догонялки. Мальчишки дразнили сестру, распевая песенку:

У красавиц есть закон:
Мыло — вон, мочалку — вон!
От воды беги с прискоком,
Лезь в окно, сигай с крыльца,
Чтоб случайно, ненароком,
Красоту не смыть с лица!

Басби усмехнулся. Он сам сочинил эти куплетики, когда однажды утром услышал, как гувернантка выговаривает девочке за то, что она не желает умываться, а та, всхлипывая, картавит в ответ:

— Я крррясавица, а крррясавицы не умываются.

Куплетики подействовали. Обе — и гувернантка, и девочка — рассмеялись и отправились в каюту на водные процедуры. И вот теперь юные паршивцы дразнят сестрицу этой песенкой.

Вдруг синий мяч, которым мальчуганы отбивали ритм, отскочил от надраенных досок высоко вверх, завис на мгновение в воздухе, будто подхваченный невидимой прозрачной рукой и, повинуясь порыву ветра, полетел навстречу розовеющему городу. Басби мгновенно сорвал с головы цилиндр и поймал мяч в его дупло. Ребяшня заверещала от восторга. Басби бросил мяч гогочущей мелюзге, театрально раскланялся, прижимая цилиндр к груди, и нахлобучил его на голову. На палубе первого класса стали появляться пассажиры. Поцелуи, прощальные объятия, обещания непременно встретиться. Кто-то сходил на берег, кто-то следовал

Он летает под аплодисменты

дальше. Слуги выносили баулы и сундуки. «Большое преимущество — путешествовать налегке», — подумал Басби и, по-прежнему прихрамывая, сошел на берег.

Часом раньше он проснулся на полу в чужой каюте. На кровати храпел голый незнакомец. Приподнявшись на локте, Басби долго разглядывал его. Потом потряс головой, протер глаза и оглядел себя. На нем был чужой фрак, чужие брюки и чужие туфли. Рядом на ковре валялась куча скомканного белья, его собственный потертый костюм, какие-то бумаги, часы, запонки и булавка для галстука с крупным топазом. Пол каюты был усеян игральными картами и денежными купюрами разного достоинства.

Постепенно события прошедшей ночи стали всплывать у Басби в памяти. Ну, да, конечно, этот, на кровати, — безумный инженер и, как считал Басби, проходимец, — все хватался, что везет в Россию какое-то чудесное изобретение. Американец. Все они хвастаются чудесными изобретениями, а, глядишь, после их лосьонов от облысения даже усы перестают расти. Кажется, этого зовут Сидни. В карты Сидни-американец резался напропалую. Напропалую и проигрывал. Басби не утерпел, подсел к столику. Время было позднее, почти ночь, свои обязанности на корабле он выполнил и теперь слонялся по кают-компаниям без дела. Как водится, карта пошла. Басби всегда везло. Пару раз, после особо крупных выигрышей, партнеры даже били его, думая, что он мухлюет. Басби никогда не мухлевал. «Зачем мухлевать, если и так в руки идет?» — резонно рассуждал он. Американец между тем наливался вином и яростным желанием отыграться. Публика начала расходиться. Партнеры бросали карты, и скоро американец с Басби остались в ка-

Ольга Шумяцкая, Марина Друбецкая

ют-компании одни. Как они переместились в каюту американца, Басби не помнил. Зато помнил, как тот вытаскивал из карманов мятые купюры, последовательно снимал часы, запонки, потом настала очередь одежды, потом бросился к комоду, долго дергал ящики, наконец извлек на свет какие-то чертежи и стал совать Басби.

— Wonderful! Fantastic! Revolution! — бормотал он.

Басби чертежи взял.

Когда больше ничего не осталось, американец повалился на кровать и захрапел.

Припомнив все это, Басби хмыкнул, аккуратно собрал деньги, сунул трофеи в чемоданчик, валявшийся в углу, и прошел в умывальную комнату. Приняв душ и побрившись бритвой американца, он надел его костюм, вставил булавку в галстук, подхватил чемоданчик и направился к выходу. У двери замешкался. Оглянулся. Американец спал, как ребенок, — подсунув ладони под щеку. Басби подошел к нему и положил на подушку две купюры. Подумал. Положил еще одну. И быстро вышел из каюты.

Спустившись на пристань, Басби, не глядя по сторонам, прошел сквозь толпу и двинулся по набережной к центру города. Утро разгоралось, и вместе с ним разгорался взгляд Басби. Городок нравился ему. Праздная толпа с утра фланировала по променаду. Магазины, кафе, киоски, предлагающие напрокат пляжные принадлежности... Афишные тумбы... Басби остановился возле одной. Гонки на воздушных шарах... Представление-загадка «Найди сюрприз в варенике»... Заплыв аквариумных рыбок... Соревнования по скоростному поеданию мороженого... Дефиле девственниц... Выступление заграничной

Он летает под аплодисменты

джаз-банды «Десять негрятя»... Басби повел носом. Он явственно чуял запах страсти к развлечениям, разлитый в воздухе. То, что нужно.

Он завернул в ближайший кабачок, чтобы пропустить стаканчик. После прошлой ночи в голове слегка шумело. Кабачок был отделан в морском стиле. Таких полно в любом портовом городе. На окнах — рыбацкие сети вместо занавесей. Раковины, морские ежи, копия картины «Девятый вал», половые в тельняшках и шапочках с помпонами разносят глиняные бутылки с вином и ромом. Облокотившись о стойку, Басби спросил рюмку коньяка.

— Не подскажете, любезный, где в вашем городе можно снять приличный номер за умеренную плату? — спросил он бармена, с прищуром разглядывая зал.

— Вперед по набережной и направо вверх. Белый дом с синими ставнями. Гостиница «Три кота». Заведение для истинных джентльменов, — бармен поставил перед Басби рюмку. — Издалека к нам?

Басби мотнул головой, что могло означать и да, и нет, и проглотил коньяк.

— По делам или?..

— Или... — Басби постучал пальцем по рюмке, и тот налил еще. — Ну, а вообще что новенького? — поинтересовался Басби.

— Господин Сердюков отмечает двадцатилетие своего банка в городском саду. Приглашено больше тысячи человек. Говорят, только воздушные шары придется надувать целых два дня. Городской парк уже неделю закрыт на подготовку, — охотно затараторил бармен.

Ольга Шумяцкая, Марина Друбецкая

— Что, и танцы будут? — лениво проговорил Басби, потягивая коньяк.

— Ха! — хмыкнул тот, что означало: а то! конечно будут! — Танцами интересуетесь?

— Ну что вы! — укоризненно протянул Басби. — Как вы могли такое подумать! Я пою.

«А еще рассказываю анекдоты, показываю фокусы, дрессирую собак, хожу на руках», — хотел добавить он, но промолчал.

Матушка Кло, как и следовало ожидать, оказалась редкостной сволочью. Он давно зарекся с ней связываться, а тут — поди ж ты! — оплошал, купился на ее посулы. Десять рублей за выступление. Гастроли на месяц. Два выступления в день. Это сколько ж будет? Сценки, репризы, конферанс, комические куплеты, фокусы — он сполна отработал в ее паршивой труппе, состоящей из двух сифилитиков, трех проституток и слепого пуделя восемнадцати лет от роду. Мотался с ними по всей Херсонской губернии, ночевал в клоповниках, именуемых постоялыми дворами, однажды чуть не сломал себе шею, провалившись сквозь гнилые доски на каком-то подобии летней эстрады. Когда же добрались до Одессы и пришла пора расплачиваться, Матушка Кло сложила губки бантиком и начала изображать святую невинность. У нее-де актеры работают за стол. Он схватил старую хрычовку за шкурку и стал трясти, как грушу. В необъятной груди Матушки что-то забулькало, и она разразилась диким клопочущим кашлем, за который, собственно, и получила прозвище. Пришлось отпустить ее живой. Плюнув в ее гадкую морду, он хлопнул дверью. В кармане болталась горсть медаков. Рубль с полushкой.

Он летает под аплодисменты

Если бы не тот парень в белом морском кителе, которого он встретил в «Золотой рыбке», ночевать бы ему под забором, таскать мешки в порту. Парень оказался вторым помощником с «Короля Георга». «Георг» уже месяц как шел из Генуи вдоль западного берега Италии, через Грецию и Турцию. В Одессу зашел на два дня. Дальше — Ялта, Сочи, и обратно тем же маршрутом с новыми пассажирами. Все это «белый китель» рассказывал компании приятелей. Басби, сидевший за соседним столиком с единственной кружкой пива, не очень-то и вслушивался. Но тут...

— ...мерзавец удрал с бриллиантовой старухой, — сказал «белый китель».

Басби наострил уши. Оказалось, на «Георге» существовала должность распорядителя торжеств, а проще сказать — мальчика для развлечения почтенной публики. Устройство танцевальных вечеров, фейерверков, любительских спектаклей и прочая, прочая, прочая. Предыдущий мальчонка — юный прилизанный красавчик-альфонс — занимался преимущественно тем, что флиртовал с богатыми старухами, и в результате сошелся в Констанце с одной из морщинистых «жаб», набитых под завязку деньгами и мучимых историческими припадками. Больше никто его не видел.

Басби одним глотком осушил кружку, поднялся и подошел к «белому кителю».

— Я тот, кто вам нужен, — твердо сказал он.

«Белый китель» с сомнением оглядел его потертый пиджак, обтрепанные брюки и нечищенные ботинки.

— У вас есть другой выход? — осведомился Басби, глядя на него сверху вниз.

Условия на «Георге» были такие: испытательный срок до Ялты, отдельная каюта на палубе второго класса, казенная

Ольга Шумяцкая, Марина Друбецкая

фрочная пара, манишка и бальные туфли (сдать корабельному начальству по окончании круиза), 50 рублей в неделю плюс стол. Выпивка за свой счет. Неделю, пока «Георг» шел в Ялту, Басби из кожи вон лез, по утрам играя с отпрысками именитых семейств в кегли и серсо, а по вечерам с криками: «Медам! Месье!» — дирижируя котильонами и фокстротами. И даже довел до сердечного приступа шеф-повара, когда потребовал изготовить к ужину 438 точных копий «Георга» из бисквита, крема и взбитых сливок в честь тезоименитства князя Гагарина. Полосатые корабельные трубы были сделаны из черного и белого шоколада. В каждое пирожное Басби велел воткнуть российский триколор из карамели. Публика заходила от восторга.

Если бы не олух царя небесного Сидни-американец, плыть бы Басби до Сочи и обратно — через три моря в благословенную Италию, которая ему была совершенно ни к чему. Однако глупо пресмыкаться перед разряженными дамочками и надменными господами, когда в кармане куча денег, в галстук — драгоценная булавка, а на плечах — новехонький фрак. И вот он на берегу в ялтинском кабачке с утра распивает коньяк.

— Как же вас звать-величать? — выплыл из дыма голос бармена.

Басби очнулся.

— Басби.

— Американец? — уважительно подался к нему бармен.

— Русский.

— Странное имя.

— Не мое, — коротко бросил Басби, вытащил из кармана купюру и положил ее на стойку.

Он летает под аплодисменты

Гостиничка действительно оказалась приличной. Просторная прохладная выбеленная комната с широким окном, закрытым синими ставнями. Кровать и комод светлого дерева, в углу — фарфоровый умывальник, расписанный розовыми цветами. Заплатив за неделю, Басби спросил, нет ли поблизости не слишком дешевой лавочки готового платья, и вскоре уже крутился перед зеркалом в маленькой примерочной. Он взял полдюжины белых шелковых рубашек, полдюжины кремовых и одну ярко-синюю под цвет глаз — для исключительных случаев. Потом выбрал два костюма: светлый полотняный, вольного кроя, и более строгий, сизого голубинового цвета, с серым кантом вдоль лацканов и карманов. Костюмы сидели изумительно — на нем все всегда сидело изумительно, даже те обноски, которые Матушка Кло брала напрокат у херсонских старьевщиков и называла сценическими. К костюмам были добавлены широкополые шляпы, белая и серая, придающие смуглому горбоносому лицу Басби с узкой полоской темных усов над дерзким смеющимся ртом несколько пиратский вид.

Отослав покупки и фрачную пару с посылным в гостиницу, Басби в новом сизом костюме отправился на набережную завтракать. Яйца-пашот удались на славу. Барабулька была прожарена идеально. Кофе подали именно такой, какой он любил: очень крепкий, очень сладкий, с толстой коричневой пенкой. Басби сидел, развалившись в плетеном кресле, ковырял зубочисткой в зубах, разглядывал проходящих мимо дамочек и барышень и обдумывал свои дальнейшие планы. Решив, что мода 1927 года ему по вкусу — юбки стали значительно короче, — Басби поднялся и направился к городскому саду.

Ольга Шумяцкая, Марина Друбецкая

Глава II

Басби начинает действовать

Ноги вели его в городской сад, а глаза застревали на каждой витрине. Пачка купюр, удобно устроившаяся в кармане, взывала к действию. Взять в аренду шашлычную? Превратить в варьете... Или вот — радиостанции? Это ведь будущее — целые спектакли можно транслировать и рекламные стихи, конечно, внедрить.

Однако семейное воспитание брало верх. Мамаша его и папаша всю жизнь провели в бродячей театральной труппе. Зимние гастролы. Летний ангажемент. Кроваткой сынишке служил деревянный ящик с костюмами и париками — весь первый год своей жизни он сопел среди бархатных накидок и шелковых масок. Бубенчик с кривой шляпы клоуна из «Принца Гамлета» Басби потерял всего год назад.

Он шагал по набережной. Весело вздымались брызги — волны становились все сильнее и сильнее, и день из солнечного превращался в мглистый. Не развернуть ли самому какую-нибудь антрепризку в этом уютном сливочном городке, с иголочки отстроенном? Однако дело это серьезное. Нужны сподвижники. Одному, пожалуй, не потянуть. Он не может рисковать. Выигрыш у безмозглого Сидни-американца — это его первый по-настоящему крупный выигрыш в жизни. А может быть, и главный. Ну и что, что ему всегда шла карта и кости ложились, как на заказ. Ну и что, что «ночные бабочки» бесплатно пускали его переночевать, а когда он оказывался на мели, всегда подворачивалась подходящая антрепризка! Все это — мелочи, не более того. Жизни на

Он летает под аплодисменты

них не построишь. И вот сейчас, в 32 года, он получил первый шанс. В кармане — деньги. В галстук — драгоценная булавка. В манжетах сорочки — золотые запонки. Басби бросил взгляд в зеркальную витрину магазина. Безупречен. Он не станет транжирить богатство направо и налево. Он воспользуется им как рачительный хозяин. Спокойно, не торопясь, будет искать способы осуществить свою мечту. Пока есть деньги — есть время. И праздник в саду этого чудного городка — первый шаг на пути к мечте.

Крашенные веселенькой розовой краской ворота городского сада были закрыты на замок.

— Не велено никого пущать, милостивый государь, — важно заявил сторож, перегнувшись через окно деревянной будки. — Мы нынче на особом положении-с.

— Ты что, любезный, не признаешь? Я от правления купеческого союза. Сколько раз сегодня телефонировали, просили непременно явиться — и вот, пожалуйста... — недовольно буркнул Басби.

Замок взвизгнул, ворота со скрипом распахнулись.

— Господа заседают у летней сцены, — уткнулся ему в спину запоздалый возглас сторожа, а навстречу уже плыл терпкий запах гортензий, приветственно склонивших банты белых цветов. Дальше — розарий. Хоп — и кремовая головка вставлена в петлицу пиджака. Вперед, вперед — мимо застывшей карусели, креслица которой похожи на открытые рты. Мимо тира, заставленного метровыми плюшевыми медведями. Мимо спящих гигантских шагов. К хрупкой деревянной сцене — вон она виднеется за кокетливыми узкоствольными акациями. Туда, где по некрашеным доскам эстрады расхаживает полнотелая дамочка, завернутая в тогу, напоминающую рыболовную сеть.